

Автор перевода: Деана

Stephen King, Owen King

Sleeping Beauties

1

Ри спросила Джанетт, наблюдала ли та когда-нибудь за светом, пробивающимся сквозь решетку на окне. Джанетт ответила отрицательно. Ри лежала на верхней койке, Джанетт – внизу. Обе ждали, когда камеру откроют к завтраку. Еще одно утро.

Складывалось впечатление, что сокамерница Джанетт от и до изучила это пятно света. Ри объясняла, что оно сначала появлялось на стене напротив окна, затем скользило вниз, вниз, вниз, чтобы потом растечься по столу и, наконец, покрасоваться на полу, прямо по центру, во всей своей яркости, которую теперь могла видеть и Джанетт.

– Ри, я просто не в состоянии столько думать о пятне света.

– А я говорю, что ты не не в состоянии! – прогудела на это Ри, как делала всегда, когда хотела показать, насколько она впечатлена.

– Хорошо, – ответила Джанетт, – что бы это ни значило. На это ее товарка загудела еще сильнее.

С Ри всё было в порядке, но тишина выводила ее из равновесия, и она становилась похожа на малого ребенка. Ее посадили за кредитные махинации, подлоги и хранение наркотиков с последующим сбытом. Ни в чем из вышеперечисленного она особо не преуспела, иначе бы не попалась.

Джанетт сидела за убийство. Как-то зимней ночью 2005 года она пырнула мужа, Демиана, в пах отверткой, а он был настолько обдолбан, что просто упал в кресло и истек кровью до смерти. Она, конечно, тоже тогда обдолбалась.

– Я сверялась по часам, – продолжила Ри. – Засекала время. Двадцать две минуты на весь путь от окна до пола.

– Сообщи Гиннессу, – ответила Джанетт.

– Прошлой ночью мне снилось, что я ем шоколадный торт с Мишель Обамой, а она говорит так участливо: «Ты же

растолстеешь, Ри!» Хотя она и сама ела этот торт. – Ри опять загудела. – Нет. Только не я. Я всё выдумываю. На самом деле мне снилась моя учительница. Всё говорила мне, что я зашла не в тот класс, а я ей обратное утверждала. Потом она согласилась наконец, и начала даже учить, а потом опять за старое: «Ты в чужом классе», а я ей: «Нет, я в своем классе», и так далее. Это так раздражало! А тебе что снилось, Джанетт?

– Ну... – Джанетт постаралась вспомнить свой сон, но никак не получалось. Новые лекарства помогали ей спать глубже. Раньше ее посещали кошмары о Демиане, в которых он смотрел на нее тем же мертвецким взглядом, что и на утро после убийства, когда кожа его уже начала синеть и казалось, будто под ней текут чернила.

Джанетт как-то спросила доктора Норкрасса, вызваны ли эти сны чувством вины. Доктор тогда покосился на нее с выражением «ты это серьезно?» на лице, которое всегда выводило ее из себя, но она сдержалась. Потом он спросил, считает ли она, что у всех кроликов висят уши. Ладно. Понятно. Во всяком случае, Джанетт по этим снам не скучала.

– Извини, Ри, но я не помню. Что бы мне ни снилось, в голове оно не задержалось.

На втором этаже крыла Б по бетонному полу коридора слышались шаги. Офицер еще раз всё проверял, прежде чем открыть двери.

Джанетт закрыла глаза и представила: тюрьма разрушена. Лианы густо обвивают прутья решеток и покачиваются на весеннем ветру. Потолок полупровален, только по краям еще остались отдельные выступы. Две маленькие ящерицы бегают по куче ржавого мусора. Порхают бабочки. Густой запах земли и листвы висит в камерах. Пораженный Бобби стоит рядом с нею и смотрит на развалины через огромную дыру в стене. Его мама – археолог. Она обнаружила это место.

– Думаешь, если имеешь судимость, то попадешь в игровое шоу?

Видение схлопнулось, и Джанетт застонала. Там было здорово. Когда ты на таблетках, жизнь определенно кажется лучше. Места спокойнее она бы не смогла отыскать. Позволь доктору выполнять свои обязанности – и химия поможет тебе. Джанетт вновь открыла глаза.

Ри тарашилась на нее. О тюрьме мало что можно сказать, но для девушек вроде Ри внутри безопаснее. Снаружи она

бы чувствовала себя как посреди оживленной трассы. Или продавала бы дозы для торчков, которые уже и выглядят не иначе как торчки. Чем она, собственно, и занималась.

- Что случилось? - спросила Ри.

- Ничего. Просто я побывала в раю, а твой огромный рот выплюнул меня оттуда.

- Ты о чем?

- Ни о чем. Слушай, я думаю, должно быть какое-то шоу, в котором участвовали бы только осужденные. Называлось бы оно «Соври за приз».

- Мне нравится! И в чем суть игры?

Джанетт села и пожала плечами, зевая.

- Я подумаю над этим. разработаю правила.

Их нынешний дом был таким, каким был всегда и каким и останется, во веки веков, аминь. Камера десять шагов в длину и четыре шага от койки до двери. Гладкие бетонные стены цвета овсяной каши. Прикрепленные на них зеленым пластилином фото и открытки (маленькие, чтобы не привлекать взглядов). Маленький металлический стол у одной стены и узенькая металлическая же полка на другой. Слева от двери - унитаз, присаживаясь на который, можно ощутить иллюзию приватности: соседка по камере всегда старалась отвести взгляд. В двери на уровне глаз - окошко с двойным стеклом, через которое виден короткий коридор крыла Б. Каждый миллиметр каждого предмета в камере пропитан неотъемлемыми запахами тюрьмы: пот, плесень и лизол.

Непроизвольно взгляд Джанетт упал на пятно света между кроватями. Оно уже почти добралось до двери - но дальше ведь не продвинется. Даже если надсмотрщик провернет ключ в замке или откроет камеру со своего поста, оно всё равно не убежит, как и все они здесь.

- А кто будет ведущим? - задала вопрос Ри. - В каждом шоу должен быть свой ведущий. И какие будут призы? Они должны быть хорошими. Подробности в студию, Джанетт!

Ри, подперев голову одной рукой и накручивая на палец другой обесцвеченные волосы, смотрела на Джанетт. На лбу, почти у линии волос, красовались полосы зарубцевавшейся кожи, напоминавшие отпечаток от решетки гриля. Джанетт не знала, откуда шрам взялся, но догадывалась, кто его нанес - мужчина. Ее отец, или брат, или парень, а может, человек, которого она видела первый и последний раз в жизни. Среди обитательниц тюрьмы Дулинга, мягко говоря,

очень немногим доставался приз. По большей части им доставались плохие парни.

Что теперь остается делать? Жалеть себя. Или ненавидеть. Себя или окружающих. Еще можно нюхать чистящее средство. Да что угодно делай (в пределах дозволенного) – ситуация не изменится. Колесо Фортуны повернется только на очередном слушании по твоему делу. Джанетт хотела подойти к этому этапу во всеоружии. Ей нужно было думать о сыне.

Раздался глухой щелчок, когда офицер на своем посту открыл шестьдесят два замка на камерах: половина седьмого утра, переключка заключенных.

– Не знаю, Ри. Придумай сама, – предложила Джанетт.
– Я тоже подумаю, потом обменяемся мнениями.

Она сбросила ноги с койки и встала.

2

В нескольких милях от колонии, на участке Норкрасса Антон, чистильщик бассейнов, собирал дохлых насекомых. Бассейн был подарком доктора Клинтона Норкрасса своей жене Лайле на десятилетие свадьбы. Наблюдая за Антоном, Клинт частенько задавался вопросом о мудрости такого подарка. В том числе и этим утром.

Рубашку Антон снял, и на это было две причины. Во-первых, день обещал стать чертовски жарким. Во-вторых, пресс у парня был хорош. Крепок, как у жеребцов с обложек любовных романов. Если бы вы попробовали выстрелить в этот пресс, пришлось бы делать это из-за угла, чтобы не схватить рикошет. Что он употреблял? Горы чистого протеина? А на тренировках чистил Авгиевы конюшни?

Антон поднял взгляд, улыбнулся из-под сверкающих на солнце очков-вайфареров. Свободной рукой помахал Клинту, смотрящему из хозяйской ванной на втором этаже.

– Господи Иисусе, – прошептал Клинт и помахал в ответ.
– Имей совесть!

Клинт отвернулся от окна. Из зеркала на двери ванной комнаты на него смотрел сорокавосемилетний белый мужчина, бакалавр искусств Корнеллского университета и дипломированный врач Нью-Йоркского, обзаведшийся «спасательным кругом» на талии от постоянного употребления старбаксовского мокка. Темная с проседью борода делала его похожим скорее на одноногого моряка с самого дна общества, чем на мужественного дровосека.

В общем, возраст в купе с дряхлеющим телом и порядком удивлял Клинта, и забавлял. Он всегда терпеть не мог суету некоторых его ровесников по этому поводу, зато сосредотачивался на приобретении профессиональных навыков, тем самым только укорачивая фитиль своей психологической взрывчатки. Клинт думал о великом поворотном моменте в его врачебной практике, наставшем восемнадцать лет назад, в 1999 году, когда к молодому еще доктору пришел потенциальный клиент с «кризисом половых амбиций».

Он тогда спросил Монпелье, что тот имеет в виду под «половыми амбициями». Амбициозные люди всегда пытаются расти, так что вице-президентов в сексе не бывает. И это еще мягко говоря.

- Ну... - Монпелье мысленно взвесил все возможные пояснения, прочистил горло и высказался так: - Я по-прежнему хочу этого. По-прежнему люблю сходить налево.

- Не вижу ничего необычного. Мне думается, ваше желание вполне естественно.

Полный сил после ординатуры, еще не успевший смягчиться, Клинт работал только второй день и разговаривал только со вторым пациентом.

Первой была девочка-подросток, переживающая за зачисление в колледж. Впрочем, быстро выяснилось, что за экзамен у нее 1570 баллов, на что Клинт не преминул обратить внимание и заверил ребенка, что необходимости перепоступать (и тем более лечиться) нет.

Пол Монпелье в вязаной жилетке и брюках со стрелками сидел напротив Клинта в кресле, обитом кожзаменителем. Он чуть нагнулся вперед - локоть на колене - и активно жестикулировал одной рукой. Клинт отчетливо мог себе вообразить целый автопарк карамельно-красных спортивных машин, выстроившихся у приземистого офисного здания. Столь высокое положение в угольной промышленности, безусловно, давало ему такую возможность, но вытянутое и какое-то помятое лицо в первую очередь напоминало Клинту о братьях Гавс, измывающихся над Скруджем Макдаком в старых комиксах.

- Жена говорит... Говорит она мало, но, как вы понимаете, посыл всё равно понятен. Подтекст. Говорит оставить их в покое. Мои половые амбиции.

Монпелье уставился куда-то вверх. Клинт проследил за его взглядом и увидел вращающийся под потолком

вентилятор. Если оставить свои амбиции на нем, их обрежет под корень.

- Пол, давайте вернемся немного назад. Когда между вами и вашей женой в первый раз появился третий субъект? Как всё началось?

- У меня был роман. Бурный, быстроразвивающийся. И Рода, моя жена, вышвырнула меня вон! Я пытался объяснить, что дело не в ней, а в моих потребностях, вы понимаете? Женщины вот почти никогда не понимают. - Монпелье повертел шеей и с шипением втянул воздух. - Я не хочу разводиться! Часть меня полагает, что в первую очередь ей самой нужно примириться со мною.

Его грусть и отчаяние были непритворными, и Клинт вполне мог себе представить страдания, которые принес внезапный поход налево: жизнь на чемоданах, водянистая яичница на ужин. Не клиническая депрессия, конечно, но в данной ситуации Полу (в общем-то, самому виноватому) требовались внимание и забота.

Монпелье нагнулся вперед:

- Давайте откровенно. Я разменял полтинник, доктор Норкросс. Дни моих секс-триумфов в прошлом. Я отстранился от них по ее просьбе. Сдал их ей на милость. Менял памперсы, участвовал во всяческих соревнованиях, поддерживал благотворительные организации - поставил галочку в каждом пункте брачного списка. Так почему мы не можем прийти к некоторого рода соглашению? Почему между нами так много чертовых противоречий?

Клинт не ответил. Он ждал.

- На прошлой неделе я был у Миранды. Женщины, с которой я спал. Мы занимались этим на кухне. Потом мы занимались этим в спальне. И чуть не занялись этим в третий раз, в душе. Я был чертовски счастлив! Эндорфины! А затем я отправился домой, где меня ждал замечательный семейный ужин и игра в скрэббл. И все, опять же, были счастливы! Так в чем проблема? Как по мне, проблема надумана. Почему у меня не может быть немного свободы? Неужели я так многого прошу? Неужели я поступаю возмутительно?

Некоторое время оба молчали. Монпелье наблюдал за Клинтом. Нужные слова кувыркались в голове последнего, будто головастики. Поймать их было несложно, но он пока колебался.

За спиной его пациента к стене прислонилась картина Дэвида Хокни, которую Лайла посоветовала для привнесения

уюта в кабинет. Он планировал повесить ее к концу дня. Рядом с картиной сгрудились недораспакованные коробки с книгами по медицине.

Кто-то должен был помочь этому мужчине, и молодой доктор подумал, что комната подходит как раз: достаточно уютная и спокойная. Но подходит ли сам доктор Клинтон Р. Норкросс?

Он пахал как проклятый, чтобы стать врачом, и никто его не спонсировал. Клинт рос в тяжелых обстоятельствах и сам прокладывал себе путь (не только к финансовому благополучию). Чтобы пробиться, он совершал такое, в чем никогда не признается жене. И ради чего все его старания? Ради лечения сексуального честолюбия Пола Монпелье?

Широкое лицо Монпелье смягчилось в извинении.

- Ох, черт. Я что-то не так делаю, да?

- Нет, вы всё делаете правильно, - ответил Клинт и следующие полчаса старательно подавлял все сомнения.

Они разобрали ситуацию подробнее; рассмотрели с разных сторон; обсудили разницу между желанием и нуждой; поговорили о миссис Монпелье и ее сексуальных предпочтениях (скучных, по словам мужа); даже совершили на удивление откровенное путешествие в юность Пола, когда он мастурбировал, зажав член в челюстях игрушечного крокодила, принадлежавшего младшему брату.

Следуя профессиональным обязанностям, Клинт поинтересовался, хотелось ли когда-нибудь Монпелье причинить себе боль? (Нет.) Спросил, как бы он себя чувствовал на месте жены? (Пациент настаивал, что разрешил жене делать всё, что ей хочется.) Спросил, каким Монпелье видит себя через пять лет? (И тогда человек в белом вязаном жилете пустил слезу.)

В конце сеанса Монпелье сказал, что уже с нетерпением ждет следующего. Как только он уехал, Клинт позвонил в службу поддержки и попросил переадресовывать все звонки на психиатра в соседнем городе, Мэйлоке. Оператор уточнил на какое время.

- Пока ад не замерзнет, - ответил Клинт. Он наблюдал, как за окном Монпелье выкручивает со стоянки на своем ярко-красном спорт-каре, чтобы больше никогда не приехать сюда.

Потом он позвонил Лайле.

- Привет, доктор Норкросс.

**Конкурс на лучший перевод фрагмента первой главы романа Стивена и Оуэна
Кингов *Sleeping Beauties***

Организаторы: сайт "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru>) и
Виктор Вебер

Звук ее голоса вызывал в нем то чувство, которое имеют в виду люди, когда говорят, что их сердце поет. Она спросила у Клинта, как проходит второй его рабочий день.

- Заходил человек, который меньше всех в Америке понимает себя самого, - ответил он.

- Так у тебя был мой отец? Уверена, картинка Хокни поставила его в ступор.

Лайла была сообразительной настолько, насколько была теплой. И настолько же жесткой. Она любила его, но постоянно сбивала с мысли. Клинт считал, что это ему и нужно. Может, нужно всем мужчинам.

- Ха-ха. Послушай, то твое замечание об открытии тюрьмы. От кого ты это слышала?

Последовала пара секунд тишины, в которые жена обдумывала подтекст вопроса. И в результате сама решила спросить:

- Клинт, ты ничего не хочешь мне сказать?

Клинт не думал, что ее может огорчить его намерение сменить частную практику на работу в казенном заведении. Он был уверен, она не расстроится.

Спасибо тебе, Господи, за Лайлу.

© Перевод Деана, 2017